

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9
volume 9**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1997**

Езидское сказание о споре Земли и Неба*

Джалиле Джалил
(Венский университет, Австрия)

В езидской духовной культуре особую ценность представляют многочисленные поэтические произведения: гимны, легенды, мифы, сказания, бытующие в народе в устной форме и известные под названием «кавлы и бейты» (qewl û beyt'). Не утратив своего духовно-религиозного предназначения, эти произведения стали неотъемлемой частью традиционных народных праздников и ритуалов. Проповедники и хранители духовных ценностей — шейхи и пири — передавали их из уст в уста, из поколения в поколение, оберегая как священные реликвии от возможных искажений и переделок.

И все же на протяжении многих столетий поэмы подвергались неизбежным редакциям и изменениям, сохранив однако основные сюжетные линии и традиции средневекового стихосложения. До недавнего времени езидские гимны и легенды оставались недоступными для ученого мира, поскольку табу на них исключало их фиксацию и огласку.

Исторические, социально-экономические и другие общественные перемены, которые произошли в езидской общине в новейшее время, создали условия и возможности для научного изучения кавлов и бейтов.

* *
*

Среди большой коллекции собранных нами езидских кавлов и бейтов имеется «Сказание о Земле и Небе». Мы имеем две версии этой поэмы. Одна из них записана в Ереване, из уст езида, шейха по происхождению, Худедае Кялаша, проживавшего на территории Армении, а другая — из уст езидского шейха Али Шамо, жителя Курдага, выходца из общины сирийских езидов. Несмотря на территориальную удаленность и вековую обособленность этих общин, поэмы в целом очень схожи и, очевидно, имеют общую литературную основу. Различия в стихах являются результатом либо незначительных редакций с целью упрощения архаических, непонятных для слушателей слов и выражений, либо утраты отдельных строк или трехстиший, со временем забытых сказителями.

* Статья написана в рамках курдологического исследовательского проекта Фонда для поощрения научных исследований (Вена) P-11330 SPR.

Армянский вариант состоит из тридцати четырех, а сирийский — из тридцати девяти трехстиший. Количество строк в отдельных стихах доходит до пяти или шести. Строки поэмы строго рифмованы. Там, где рифмована строка, видна позднейшая редакция, отклонение от первоначального текста.

При сравнении двух вариантов обнаруживается в одних случаях слияние некоторых трехстиший, в других напротив — их разъединение. В сирийском варианте некоторые стихи состоят из двух строк, третьи строки утрачены.

В литературе, посвященной езидским верованиям, фиксация этого сказания не встречается. Более того, нигде нет даже упоминания о его существовании.

Время создания этого произведения можно определить лишь приблизительно, учитывая тот факт, что вся система езидской духовной литературы «кавлы и бейты» создавалась в XII—XIII вв. Это подтверждает историко-литературный анализ текстов. Следовательно, к этому же периоду можно отнести и появление «Сказания о Небе и Земле», выдержанного в том же духе, что и другие аналогичные произведения.

По традиции в конце поэмы воздается хвала создателю сказания. Уточнение авторства поэмы осложняется тем, что в армянской версии указывается имя Дауди сын Дарман («Ser xitma vî qewlî Dawudê bin Dermanî»), а в сирийском варианте последний стих гласит: «В завершение сказания благословим Ангела Смерти, Гаване Зарзана и четверых братьев. Мы [есть творения] несовершенные, а Творец — совершенен».

Из этого текста трудно сделать вывод об авторстве поэмы. В списках авторов курдских «кавлов и бейтов» упомянутые выше имена ни разу не встречаются.

«Сказание» представляет собой диалог, спор между Небом и Землей. Небо, зазнавшись, стремится доказать свое превосходство над Землей, а Земля отстаивает свое достоинство, утверждая свое равенство с Небом.

Сюжет «Сказания о Земле и Небе» отражает религиозно-философские воззрения на борьбу двух начал при сотворении мира. Истоки этой концепции относятся ко времени возникновения у людей представлений о мироздании, об отношениях человека с природой, о духе и материи.

Для средневековых религиозно-философских учений было характерно толкование соотношений двух субстанций: духа и матери. Религиозно-клерикальные традиции устанавливали приоритет одной субстанции над другой, то есть духа над материей, или Неба над Землей. Однако постепенное расширение знаний человека о природе и явлениях окружающего мира привело людей к мысли, что все происходящее вокруг надо воспринимать в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Несмотря на религиозно-философское содержание, сказание проникнуто духом народного миропонимания, его пронизывает мысль о равноправии спорящих между собой начал: Земли и Неба. Это ясно выражено в финале курдской поэмы, где по божьей воле архангелу Гавриилу, посланнику Всевышнего, удастся примирить Небо с Землей. В варианте поэмы, записанной в Армении, прямо говорится:

Силой Милостивого Единого,
Ахи Джибраил спустился с Небес,
Примирил Землю с Небом.

Народное мышление отразилось в езидской поэме и в материалистическом восприятии народом природы, всех ее благ в целом, созданных для жизни человека на Земле (хлеб, фрукты и др.). Добрые и честные люди, которые живут и трудятся на Земле, приравниваются в поэме ко всем Небесным святыням, которыми гордится Небо. Равноправие Земли и Неба соответствует и основным положениям догм езидской мифологии о сотворении мира. В шестом стихе упомянутой выше езидской поэмы Земля упрекает Небо в забвении того существенного факта, что оба они произошли из одного источника.

Небезынтересно привести деталь из езидского предания о том, что Земля и Небо были сотворены из одной жемчужины, которая распалась после того, как на нее снизошел Божий свет.

«Сказание о Небе и Земле», как литературно-философское произведение представляет научный интерес еще и потому, что аналогичные сюжеты мы находим в персидской и армянской средневековой литературе. Таким образом, возникает новый аспект в изучении идейно-философских воззрений народов Ближнего и Среднего Востока и появляется превосходный сравнительный материал для прослеживания культурных контактов, взаимосвязей и литературных традиций этих народов.

В персидской литературе изучаемое произведение называется «Спор Неба с Землей» и принадлежит перу поэта XI в. Абу Мансура Али ибн Ахмада Асади, известного в мире поэзии под именем Асади Туси (род. около 1010 г. в Тусе).

На тему спора известен ряд произведений. Только у Туси их пять: «Спор дня и ночи», «Спор копья и лука», «Спор Неба и Земли», «Спор гебра и мусульманина» и «Спор араба и аджама»¹. Известны произведения на эту тему и поэтов первой половины XV в.: «Спор Неба и Земли» Ариффи (ум. 1449 г.), «Спор мяча и човгана» Талиба Джаджарми (ум. 1450 г.) и др.²

Как литературный жанр спор известен под термином *муназара*. «Термином муназара, — пишет Е. Э. Бертельс, — обозначают особый вид касыды, насиб который представляет собой своего рода спор, диалог между двумя воображаемыми противниками. Спор, как и в обычной народной оде, завершается славословием в честь того лица, для которого касыда предназначена... В муназара каждый из двух противников старается утвердить свое превосходство путем логических доказательств, ссылок на различные авторитеты и т. п. В конце кон-

цов спор завершается вмешательством какой-нибудь третьей, беспристрастной, стороны»³.

Как уже было отмечено выше, указание имен в конце курдской поэмы в качестве тахалуса не выступает и потому не может пролить свет на вопрос об авторстве поэмы. Учитывая замечание Е. Э. Бертельса о том, что в конце муназара называется имя лица, кому он был посвящен, мы видим, что присутствующие в курдской поэме имена (в одном варианте Гаване Зарзан, а в другом — Дауди бын Дарман) являются собой стереотип этой жанровой традиции. В данном случае это не конкретные исторические личности (правители), каковые обычно выступали в этом качестве в персидской литературе, а святые, легендарные личности, покровители.

Можно ли говорить о муназарах, вернее, о теме спора как о явлении, характерном только для средневекового образ мышления, и является ли она, эта тема, лишь продуктом идеологических процессов у народов Ближнего и Среднего Востока? В востоковедческой литературе известны попытки исламоведа Г. Эте найти общие корни у муназар и провансальской тенцоны. Отвергая это мнение, Е. Э. Бертельс писал: «Если уж искать параллели к муназара в европейской литературе, то значительно ближе к ним такие наполовину народные средневековые произведения, как "Спор зимы и лета" и т. п.»⁴.

Этот жанр имеет более древние корни. В доисламской пехлевийской литературе хорошо известна поэма «Драхти Асурик» («Ассирийское дерево»). Там идет спор между финиковой пальмой и простой козой. В споре победителем выходит коза, превосходство которой над пальмой определяется той конкретной и бесспорной пользой, которую коза приносит людям. В этом произведении в большой мере сохранился отпечаток народного мышления⁵.

Со временем, по мере усиления и закрепления религиозного мышления в народных массах, особенно в средние века, в период напряженных духовных исканий и формирования идеологических течений, тема спора, наряду с бытованием в фольклоре, используется и в религиозной философии, где решение спора дается в ином аспекте.

В армянской литературе песня о споре Неба с Землей была впервые опубликована Г. Алишаном в 1847 году⁶, а затем была переиздана в начале XX в. Вртанесом Папазяном в антологии «История армянской литературы»⁷.

Научную публикацию оригинала рукописи осуществил А. Мнацаканян уже в 50-х гг. XX в.⁸ Поскольку авторство ее приписывалось Нерсесу Мокаци, исследователи обращались к этому произведению в связи с изучением литературного наследия этого средневекового армянского поэта⁹. Существует перевод на русский язык, сделанный Н. Гребневым.

А. Мнацаканян включил текст песни в сборник «Армянские средневековые народные песни», подчеркнув тем самым склонность считать «песню народным произведением, а не приписывать авторство Нерсесу Мокаци». В комментарии к тексту он поясняет, что это произве-

дение «принадлежит к числу тех песен, которые, будучи народными, по недоразумению приписывались личности автора»¹⁰.

Мнение А. Мнацаканяна о том, что песню следует считать одним из лучших средневековых армянских народных произведений, подкрепляется и свидетельством знаменитого армяноведа Г. Овсепяна 1898 г. о том, что ее вариант был распространен среди армян района Мокса. Однако точка зрения А. Мнацаканяна оспаривается Л. Г. Долуханян в работе, посвященной жизни и творчеству Нерсеса Мокаци. Она делает вывод, что «Сказание о споре Земли и Неба», имея фольклорную основу, было очень любимым, часто удостоивалось внимания поэтов и ашуггов, естественно подвергаясь при этом изменениям.

Вот одна из самых старых и самых излюбленных стихотворных обработок, которую связывают с именем Нерсеса Мокаци, того единственного автора в пользу которого говорят имеющиеся факты¹¹.

Наше внимание привлекает стих из армянского варианта текста:

Божия милость пусть будет
Твоему [творцу] ашугу Талибу,
[Он] воздал хвалу Небу и Земле,
В субботний день под утро воскресенья.

В фольклорных и литературных традициях народов Ближнего Востока (особенно это заметно в езидских кавлах и бейтах) общепринятым было, как уже говорилось выше, в конце произведения упомянуть имя автора и воздать ему благословение. В приведенном выше стихе армянской поэмы мы как раз и наблюдаем этот прием. Факт свидетельствует о том, что здесь приводится имя или литературный псевдоним создателя данного произведения — ашуга, народного певца.

Уточнение авторства «Песни» — дело литературоведов. Нас интересует другой, бесспорный факт: поэма имеет фольклорное происхождение. Безусловно, народные поэты-сказители со временем вносили в произведение изменения в соответствии со своими поэтическими вкусами. Авторское редактирование мы обнаруживаем как в курдском, так и в армянском тексте «Сказания», и этот процесс, возможно, начался гораздо раньше XVII в. — времени Нерсеса Мокаци.

Если в курдской литературе поэма вплоть до наших дней письменно не была зафиксирована и существовала в устном народном творчестве, то в армянской — поэма уже в XVII в. существовала в рукописях. Разница во времени между записями армянского и курдского вариантов около 300 лет. Это обстоятельство существенно не повлияло на общую основу сюжетной линии. Поэтому нам кажется справедливой точка зрения А. Мнацаканяна, что поэма «О споре Земли с Небом» в армянской среде была создана раньше XVII в., когда жил и творил Нерсес Мокаци. «Несмотря на то, что в рукописях она (поэма. — Дж. Дж.) появляется в XVII в., — пишет А. Мнацаканян, — однако, по нашему мнению, характер ее проникнут духом X—XVII вв., когда были особенно обострены социальные отношения»¹².

Хронологические рамки, указанные А. Мнацаканяном совпадают со временем создания курдских (езидских) кавлов и бейтов, к числу которых принадлежит курдская версия поэмы «О споре Земли с Небом».

В пользу подобной хронологии говорит и другой факт. Как уже отмечалось выше, по свидетельству армянских фольклористов, народный вариант поэмы продолжал существовать в Моксе. Учитывая географическую близость Мокса к тем районам проживания курдов-езидов (северные районы современного Ирака), где в большинстве своем были созданы кавлы и бейты, можно говорить об общем ареале распространения данного народного религиозно-философского произведения, что свидетельствует о традиционных культурных связях двух соседних народов.

Сущность спора между Землей и Небом и в курдской и в армянской версии поэмы воспринимается сквозь призму народного мышления. Реалии окружающей природы, положительные черты в характерах людей приравниваются в «Сказании» к априорным божественным атрибутам, а то и превалируют над ними.

Идейное расхождение между версиями наблюдается лишь в финалах. Армянский вариант в авторской редакции народных сказителей раскрепощен, свободен от духовной скованности, четче отражает народное мышление: победителем в споре выходит Земля, Небо вынуждено склонить перед ней голову:

И Небо в гордыне смирилось,
И Небо Земле поклонилось...
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете
Воздайте Земле почет.

(Перевод Н. Гребнева)

Иную трактовку мы находим в финале езидской поэмы. Поскольку сказание использовалось в религиозных проповедях, то акцент в нем делается на духовном-езидском истолковании диалога: спор решается Божественным вмешательством, примирением двух начал.

* * *

Езидские версии о споре Неба с Землей впервые вводятся в научный оборот. Литературно-художественные достоинства этих произведений подлежат дальнейшему основательному изучению в общей системе кавлов и бейтов — народно-философских творений духовно-религиозной литературы езидов. Сама поэма свидетельствует о высоком уровне литературных и философских традиций, которые существовали в средневековье у курдов-езидов.

Широкое и глубокое изучение этих памятников поможет определить духовно-идеологический климат общественной жизни курдов того времени, расширить круг наших знаний об их контактах с соседними народами¹³.

Сказание о Земле и Небе

1. Волей владыки далей,¹⁴
Подумайте, вы, люди,
[О том, что] Небо над Землей держится без опоры.
2. Силой Единого Справедливого
Мой владыка создал четырнадцать слоев [Небосвода],
Небо над Землей без опоры висит, не падая.
3. Силой Единого Милосердного,
Ангелы подали голос:
«Небо над Землей без опоры держится крышей».
4. Ангелы подали весть:
«Свидетель сам Господь,
Опора, на которой держится Небо — это молитва».
5. Это сказание, сказание — особое,
Небо с Землею заспорило,
Сказало: Ты Велика, но я лучше, чем ты.
6. Земля Небу возразила:
«Не скроешь и не утаишь —
Ведь и я из чистой жемчужины».
7. Земля сказала: «О, Небо, родом я оттуда, что и ты,
Нас создали из одной жемчужины,
Сияние сделало нас зримыми».
8. Земля сказала: «О, Небо, сияние дало нам совершенство,
Создало меня здесь,
И создало на Земле яства и блага.
9. Яства блага, что вы видите,
Люди берут у меня,
Сколько твари [на свете], я им блага доставляю».
10. Земля сказала: «О, Небо, ты мой брат наверху,
Ты единственный и не имеющий подобья,
Бог сотворил на меня яства и винограда».
11. Земля сердито сказала:
«О, Небо, все яства и угощения на Земле рождаются,
И вот животные этим кормятся».
12. Земля сказала: «О, Небо, персик, айва и оливки,
Розы, рейхан и ромашки —
Все это тоже растет на Земле».
13. Земля сказала: «О, Небо, силой Единого Милосердного,
Четыре имени довлеют надо мной,
Евангелие, Тора, Псалмы и Коран.
14. Евангелие, Тора, Псалмы и Коран,
Вот четыре славных имени,
Которые ниспосланы Единым Милосердным.
15. Небо Земле возразило:
«Это сказание — особое сказание,
Приятно живется у меня мужам и ангелам».
16. Так отвечала Земля Небу:
«Ты — обитель ангелов,
Но они лишены души и обличья».
17. Земля сказала: «О, Небо, силой Единого Милосердного,
Люди на Земле Богом сотворены,
Двойки они по сути своей.

18. Они рабы божьи,
В двух образах представлены они,
Это те, которые сторонятся греха».
19. Небо сказало: «О, Земля, я безупречно, а ты грешна,
У тебя рождаются убийство, клевета и злословие,
Поразительно, что на белом свете существует подобное».
20. Небо к угрозам прибегло:
«О, Земля, если я не дам дождя и влаги,
Как белый свет будет существовать?»
21. Небо к угрозам прибегло:
«О, Земля, если я не дам дождя и ветра,
Как белый свет будет существовать?»
22. Небо с бранью обратилось к Земле:
«О, Земля, если я краше золота и серебра,
Сверху я наблюдаю за твоими деяниями и пороками».
23. Земля ответила: «Небо, я праведная Земля,
По мне ходят общины и армии,
Никому возгордившемуся не будет удачи».
24. Земля ответила: «О, Небо, я есть Земля великая,
По мне ходят общины, армии и бедняки,
На гордеца не снизойдет милость Владыки.
25. Служители у порога мечетей,
И возлюбившие Бога отшельники,
Такие же посвященные в таинство, как и архангелы.
26. О, великий Аллах,
Ученые встают,
О фараонах¹⁵ [только] и говорят.
27. По пятницам вечерами ученые молятся,
Восходят на трибуны и провозглашают
Имя и зикр Шихади¹⁶, Малак Шихысн воистину славят.
28. А святыни, что имеются,
Во всех четырех сторонах киблы,
Имя и зикр Шихади, Малак Шихысн каждый раз превозносят».
29. Небо сказало: «О, Земля, у меня обитают Азраил и
Джибраил, Дурдаил, Микаил, Хошрафил, Хошразил,
Азразил, Азраазиз¹⁷,
Они есть семь архангелов величавых,
Которые Единым, Нетленным ниспосланы».
30. Земля сказала: «О, Небо, воле Единым Великого,
Мекка, Медина, Кудс, Ибраим Халил, лучезарный Лалеш —
И те ведь на мне покоятся».
31. Земля так рассказала:
«Когда Пророк Мухаммад спустился с Небес,
Небо осталось в изумлении».
32. Небо сказало: «О, Земля, я краше золота и серебра,
На мне держатся солнце и луна».
Земля сказала: «О, Небо, но ведь и на Земле есть люди
нежные и изящные».
33. Земля сказала: «О, Небо, я есть Земля совершенная,
По Земле ходят эмиры, правители справедливые,
Они тоже на Земле родились».
34. Силой Милостивого Единого,
Ахи Джибраил спустился с Небес,
Примирил Землю с Небом,
В конце этого сказания [упомянем имя] Дауди сын Дармана¹⁸.

QEWLÊ E'RD Û E'SMÎN

1. Qudreta melk'êd bêrûne,
Xelqo, bifikirin hûne,
E'rd û e'sman rawastane bê stûne.
2. Qudreta yekê heqe,
P'adşae min nijyar kirine çardeh teveke,
E'rd û e'sman bê stûn rawastane malîqe.
3. Qudreta yekî reh'manî,
Meleka we deng hilanî,
Go: «E'rd û e'sman bê stûn rawastane».
4. Meleka wa cav didaye:
«Şe'dê xwe p'adşaye,
Stûna e'sman pê rawastaye — ew duaye».
5. Eva qewla qewlekî xase,
E'smên e'rdêra kirye be'se,
Go: «Taji, toje, gire, eze xase».
6. E'rdê li e'smînra kire be'se,
Go: «Ne senge, ne li xange,
Ne ez jî cewareke xase?»
7. E'rdê go: «E'smano, e'slê min tê ji derekê,
Em t'ivîqandine ji cewarekê,
Şivqa em anîne pêş nezerekê».
8. E'rdê go: «E'smano, şivqa me kir cebêre,
Ez t'ivîqandim lihêre,
Ser min çêkirye naz û ne'met û xêre.
9. Naz û ne'metê hûn dibînin,
Bende ser me hiltînin,
Çiqas xulyeqete — ez xêrê pê dighînim».
10. E'rdê go: «E'smano, tu birê minî serî,
Tuî bê tikî, bê berî,
Xwedêo ser min çêkirye naz û ne'met û tirî».
11. E'rdê we kir hedêde,
Go: «E'smano, naz û ne'metê ser min tête,
Ew jî h'eywanete pê diç'êrête».
12. E'rdê go: «E'smano, xox, û bî, û zeyt'ûn,
Gul û reh'ane û beybûn,
E'rdê go, e'smano, ew jî ser min hasil dibûn».
13. E'rdê go: «E'smano, qudreta yekî reh'manî,
Çar navê hatine ser min giranî:
Êncîle, T'ewrate, Zebûne, Firqanî.
14. Êncîle, Qurane, T'ewrate, Zebûn,
Evin herçar navêd meşûr,
Nazil bûne ji cem yekî xefûr.
15. E'sman e'rdêra kire be'se,
Go: «Eva qewla qewlekî xase,
Mêr û meleka ser min xaş h'ewase».
16. E'rdê wê digote e'smîne:
«Ser te melek' û firêştîne,
Ewana nevs û şe'bet t'unîne».
17. E'rdê go: «E'smano, qudreta yekî reh'manî,
Xwedêyo bende ser min danî,
Vêra hene du nevsê giranî.

18. Ewin bendê xwedêne,
Du nevsê giran jê dibêne,
Ewin xwe ji ya xirab dipêne».
19. E'smên go: «E'rdo, eze çak, ta bi e'yb,
Ser te dibe qet'il, buxdan û xeyb,
E'cêv miclîsa vê dinyayê digerîn e'cêv.
20. E'smên we gef didave,
Go: «E'rdo, wekî cem min neyê baran û ave,
Miclîsa vê dinyayê wê pê çî avave?»
21. E'smên we gef dixare,
Go: «E'rdo, wekî cem min neyê baran û baye,
Miclîsa vê dinyayê wê pê çî bive avaye?»
22. E'smên we deyn fikir bi ç'êre,
Go: «E'rdo, ez çêtirim zîv û zêre,
Jorda ser kêl û e'melê teda dinhêre».
23. E'rdê go: «E'smano, ezim e'rdê dewrêş,
Ser min digere cimlet û cêş».
E'rdê go: «E'smano, kes k'ubaryê naçe pêş».
24. E'rdê go: «E'smano, ezim e'rdê k'îbîr,
Ser min digere cimlet û cêş û feqîr».
E'rdê go: «E'smano, kes k'ubaryê naçe ber dîndara mîr».
25. Zebîne dev mizgefta,
Yarêd rûniştine xewleta,
H'ewsûr fêrizêd milyak'eta.
26. Ya Allah û ek'ber,
Alimêd radibine ser,
Ji fîra'nê didine xeber.
27. Şevêd înya a'lim dixûnin,
Radivine ser membera deng hiltînin,
Nav dik'rê Şîxadî, Melek' Şîxsin heq tînin.
28. Ziyaretê cem we dibin xwe dibin
Herçar teref berbi qulbe,
Nav dik'rê Şîxadî, Melek' Şîxsin serê xitma.
29. E'sman go: «E'rdo, ser min heye Ezrahîl û Cibrahîl, Dûrdahîl,
Mik'ayîl, Xuşrafîl, Xuşrazîl, Ezrazîl, Ezra Ezîz,
Ewin her h'eft melek'ê k'îbîr,
Nazil bûne cem yekê qedîm.
30. E'rdê go: «E'smano, qudreta yekê sebîr,
Mekke, Medîn, Quts, Îbrahîm Xelîl, Lalişa Nûranî,
E'rdê go, e'smano, ew jî ser mi dibûne sedîl».
31. E'rdê wa kir h'îkyate,
Go: «Wexta Nevî Meh'med banava dihate,
Hîngê e'sman mabû me'te».
32. E'smên go: «E'rdo, ez çêtirim ji zêre û zîv,
Ser mi heye roje û hîv».
E'rdê go: «E'smano, ne ser mi jî hene xelqê nazikî letîf».
33. E'rdê go: «E'smano, ezim e'rdê k'amîl,
Ser min digerîn mîr, h'akimêd adil,
Ewan jî ser min dibûne hasil».
34. Qudreta Yekê Reh'manî,
Axî Cibrahîl nazil bûye banî,
E'rd û e'sman hev anî,
Ser xitma vî qewlî Dawudê bin Dermanî.

Примечания

1. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 242.
2. Бертельс Е. Э. Навои и Джами. М., 1960. С. 242.
3. Бертельс Е. Э. История Персидской-таджикской литературы. С.242.
4. Там же.
5. Брагинский И. С. Иранское литературное наследие. М., 1984. С. 99—101.
6. «Բազմապեշ». 1847. էջ 331—332.
7. Պատմություն հայոց գրականության. 1910. էջ 140-142.
8. Ա. Մնացականյան. Հայկական միջնադարյան ժողովրդական երգեր. Երևան, 1956.
9. Ներսես Մոկացի, բանաստեղծություններ: Աշխատասիրությամբ Ա.Գ. Դոլուխանյանի. Երևան, 1975.
10. Ա. Մնացականյան, Հայկական միջնադարյան ժողովրդական երգեր. էջ 608.
11. Ներսես Մոկացի, բանաստեղծություններ. էջ 164.
12. Ա. Մնացականյան, Հայկական միջնադարյան ժողովրդական երգեր. Երևան, 613.
13. Следует надеяться, что при дальнейшем исследовании проблемы с типологической точки зрения специалистами будут учтены аналогичные факты и из истории грузинской литературы и фольклора,
14. Перевод — подстрочно-смысловой.
15. По объяснению сказителя здесь — ученые.
16. З и к р — поминание как прославление имени Бога. Подробно см.: Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 77.
17. Перечисляются имена тех семи ангелов, которых Бог создал первыми и которые являются главными среди всех ангелов. Соответственно см. в христианском и мусульманском вероучениях.
18. Д а у д и б ы н Д а р м а н — в езидской мифологии божество Молнии. Здесь по всей вероятности, имеется в виду персонифицированный образ божества.